

Глава 8. Свобода × Подросток × Своеобразный юмор

Мокудзиро со своими людьми ушёл так же стремительно, как и появился.

Впрочем, ни Иллуми, ни Хисоку это не задело, даже когда тот напоследок бросил в их адрес дежурную угрозу. Поделившись парой догадок о произошедшем, они быстро закрыли тему. Для них не имело значения, как именно открылись их «узлы ауры». Если результат устраивал, то цена и способ его достижения не стоили лишних слов.

Прошло около двадцати минут гнетущей тишины, пока Хисока всё же не выдержал.

Связанный по рукам и ногам, он не мог даже пошевелиться. Спать не хотелось, сознание оставалось раздражающе ясным. Блуждая взглядом по камере, он наткнулся на Иллуми — тот привалился к стене с закрытыми глазами, выглядя на удивление умиротворённым.

Хисока недовольно скривился. Слова Мокудзиро о том, что Иллуми сильнее, до сих пор неприятным осадком осели в душе.

— Иллуми, ты спишь? — подал он голос. — Что нам теперь делать?

Тот приоткрыл один глаз и невозмутимо уточнил:

— Что именно из всего этого тебя беспокоит?

— Ха-ха. Решил прикинуться дурачком?

— Нет, я спрашиваю вполне серьёзно, — Иллуми чуть выпрямился, подтверждая свои слова делом. — За последние два дня случилось слишком много всего. Я не понимаю, о чём конкретно ты говоришь.

«За последние два дня...» Хисока не спрашивал, что именно произошло — он и сам всё прекрасно помнил. Ему хотелось понять, что Иллуми счёл «проблемой», требующей решения.

Иллуми, словно прочитав его мысли, спросил в лоб:

— Тебя больше волнует, как отсюда выбраться, или как тренировать «Нэн»?

Хисока усмехнулся.

— Я и забыл, что нам вообще-то нужно бежать. А что, Сяо И не хочет посидеть со мной ещё немного?

— Меня зовут Иллуми. Назовёшь так ещё раз — я рассержусь, — голос его оставался ровным, без единого намёка на угрозу или предупреждение. — Значит, вопрос всё же был про «Нэн»?

— Поначалу — да. Но теперь мне любопытнее узнать, как мы покинем эту дыру. Даже я не представляю, как постигать «Нэн», когда не можешь пошевелить ни рукой, ни ногой.

— А, — Иллуми безразлично кивнул. — Тогда сначала нужно избавиться от верёвок.

— И как ты предлагаешь это сде-е-лать?

Не успел Хисока договорить, как Иллуми пару раз дернул плечами, резко развёл локти в стороны — и верёвки, натянувшись, с сухим треском лопнули.

В камере воцарилась тишина.

Хисока попытался повторить манёвр, но безрезультатно. Путы держали крепко.

«Неужели он и впрямь сильнее меня?» — промелькнула непрошенная мысль.

— Кстати, Хисока, ты не забыл, что тот человек упоминал о ловушках? — Иллуми, казалось, даже не заметил тщетных усилий напарника. Размяв затекшие конечности, он подошёл к нему сзади и присел, принимаясь за его узлы.

— Ловушки? — Хисока прищурился. — Я ничего такого не заметил.

— Эх... — Иллуми негромко вздохнул и, освободив его от пут, пробормотал под нос: — Ты совсем поглупел? Ловушки на то и ловушки, что их никто не видит. Они появляются внезапно.

— О? Ну, столкнёмся — тогда и разберёмся. Импровизация — это ведь тоже неплохо, верно?

Иллуми уставился на него своим пустым взглядом. Спустя пару секунд он меланхолично произнёс:

— Хисока, ты уверен, что твоего интеллекта хватит на «импровизацию»? У меня ощущение, что ты каждый раз просто действуешь на горячую голову.

— Ты сейчас меня презираешь? — Хисока так лучился уверенностью, что это граничило с безумием. — Не переживай, стоит мне только захотеть, и план появится сам собой.

Иллуми лишь покачал головой, не желая ввязываться в спор.

— Что имел в виду Мокудзиро, когда говорил про «через два дня»? — Внезапно Хисока сменил тему. Он часто так делал: бессвязные фразы, мгновенно меняющееся выражение лица — угадать, что творится в его голове, было решительно невозможно.

— А, это. Я же говорил — месть за Аннари. Пусть она и не была вершиной мастерства, но всё же занимала пост вице-главы района и была женой Мокудзиро. Ему нужно устроить показательную расправу, хотя бы для вида.

— Хм-м~ вот как? И как, по-твоему, он с нами поступит?

— Подвесит и будет пороть. А потом ударит током, — ответил Иллуми без тени сомнения. Такая скорость ответа заставила Хисоку на миг опешить.

После короткой паузы он уточнил:

— Порку я ещё могу понять. Но ток? Это какие-то личные предпочтения?

Иллуми моргнул.

— А разве бывает как-то иначе?

Дома его всегда сначала пороли, а потом пытали электричеством. В четыре года, когда это случилось впервые, он думал, что в чём-то провинился. При втором наказании решил, что отец его ненавидит, а при третьем, поддавшись уговорам матери, Кикё, окончательно уверился, что это нормальный способ воспитания детей. Лишь к пяти годам (точнее, к своему пятому дню рождения) он осознал, что так заведено только в их семье. В конце концов, это просто «наказание». Если делаешь что-то плохое и попадаешься — тебя наказывают именно так.

Хисока, не зная его прошлого, только открыл рот, чтобы возразить, но так и не нашёл нужных слов. В итоге он решил просто проигнорировать это странное заявление.

— Кстати, Мокудзиро так торопился, когда уходил... Кажется, снаружи что-то стряслось? — Иллуми тоже не стал заикливаться на теме пыток.

В этом они были похожи. Если характер Хисоки был непредсказуемым, то натура Иллуми — и вовсе непостижимой.

— Кто знает, — Хисока, почувствовав свободу в руках, тут же выудил из кармана карту. Он долго рассматривал её, и настроение его заметно упало. Тяжело вздохнув, он совсем помрачнел.

Иллуми замер.

— Что с тобой?

Хисока перевёл на него взгляд и снова вздохнул. Затем он привычным жестом крутанул карту между пальцами и, прикрыв ею нижнюю часть лица, тихо рассмеялся:

— Иллуми, мне так плохо...

—...

— И что мне делать? Сбежать через ловушки или развивать «Нэн» — боюсь, сейчас мне всё это не по силам.

—... — Напарник посмотрел на него с безмолвным вопросом.

Хисока поднёс карту к самому лицу Иллуми.

— У меня осталась всего одна. Если на нас нападут, я останусь без оружия. Это верная смерть.

Иллуми остался безучастен. Спустя мгновение он хлопнул ладонью о кулак, словно его осенило, и ровным голосом произнёс:

— Ничего страшного, Хисока. У меня тоже нет оружия. Если подумать, я давно понял, что мне не хватает подходящих скрытых снарядов. В прошлый раз с людьми Мокудзиро я проиграл только потому, что пришлось кидаться щебнем. Когда вернёмся, я хочу заказать себе что-нибудь удобное. Поможешь придумать дизайн?

«...»

Хисоке вдруг показалось, что в голове Иллуми явно не хватает какой-то важной детали.

По какой-то негласной договорённости они, хоть и освободились от верёвок, решили остаться в камере. Им было любопытно, что же задумал Мокудзиро. Однако снаружи явно творилось нечто серьёзное: глава района не появлялся два дня. Не только он — вообще никто не заходил.

Они сидели без еды и воды почти сорок восемь часов. Возникло стойкое ощущение, что про них просто забыли. К счастью, для жителей Метеоритного города пара дней голодовки — дело привычное. Терпимо.

Но даже это время они не тратили впустую.

Судя по словам Мокудзиро, открыв «узлы ауры», они встали на первую ступень «Нэн».

Следующим шагом должен был стать «Покров». Но как именно тренировать этот «Покров», им никто не объяснил. «Способность стабилизировать поток ауры, текущий по телу» — звучало красиво, но совершенно непонятно.

Впрочем, эти двое не привыкли сдаваться. Несмотря на скудность знаний, таланта им было не занимать. Если «Покров» — это стабилизация, то логично для начала заставить ауру взбунтоваться.

Это было рискованно. Даже если они выживут, не факт, что поймут, добились ли успеха.

В полдень дверь наконец распахнулась. Кто-то вошёл в камеру, громко ругаясь на ходу.

— Эй вы! А ну пошли за на... — Тюремщик осёкся. — Чего?! Как вы... Кто развязал верёвки?!

Иллуми и Хисока переглянулись и хором ответили:

— Они сами развязались.

Когда их вывели наружу, людей там оказалось порядочно. Иллуми за все эти дни впервые видел столько народу в одном месте — выглядело внушительно.

Их встречали два ряда дюжих мужиков. Каждый сверлил их яростным взглядом, будто готов был разорвать на месте.

Мокудзиро стоял впереди всех, на небольшом возвышении. Рядом с ним расположился симпатичный юноша, на вид года на три-четыре старше Хисоки. На его лице играла мягкая улыбка, от которой почему-то становилось не по себе.

Мокудзиро обернулся и, увидев, как Иллуми с Хисокой вальяжно приближаются к нему, тут же нахмурился.

— Кто позволил их развязать?! — гаркнул он на конвоира.

Тот и сам был не в духе. Когда эти двое заявили, что путы сползли сами собой, он попытался было поспорить, но в итоге получил подножку и позорно растянулся на полу.

— Они сказали, что верёвки сами развязались!

— Что?! И ты в это поверил?! Ну и кретин! — стоило одному выкрикнуть это, как остальные разразились хохотом. Лишь Мокудзиро продолжал задумчиво изучать Иллуми и его спутника.

— Хе! И вот эти сопляки прикончили девку Аннари? Смотрите-ка, один из них и вовсе девчонка! Если Аннари сдохла от рук такой мелочи, значит, и впрямь была бесполезной!

Заговорил коренастый мужик с квадратным лицом и короткой стрижкой. Его слова вызвали глухое недовольство у некоторых присутствующих, но возразить никто не посмел — видимо, боялись топора, висевшего у него на поясе.

— Хе-хе, а ты ещё кто такой? — Хисока покосился на него, окинув пренебрежительным взглядом, словно перед ним было пустое место.

Мужик взъярился:

— Ах ты, щенок! Совсем страх потерял, раз родного деда не узнаёшь?! Я твой...

— Хисока, он и правда твой дедушка?

—... Сам-то как думаешь?!

Иллуми моргнул и с самым невинным видом развёл руками:

— Понятия не имею. Но, поверь мне, сейчас я очень удивлён.

Хисока спокойно улыбнулся и ответил тихим, вкрадчивым голосом:

— Иллуми, когда удивляешься, будь добр, сделай хоть какое-то лицо. Не надо притворяться, у тебя же на физиономии ни единой эмоции.

— Я не притворяюсь. Это правда.

— Ну так изобрази мне что-нибудь.

Иллуми на пару секунд застыл, а потом вдруг его глаза расширились, рот приоткрылся, и он замер в какой-то неестественно-деревянной позе прямо перед Хисокой.

Тот на мгновение остолбенел, а потом расхохотался так, что не мог разогнуться.

— Видишь? Не такой уж я и бесчувственный.

Атмосфера на их стороне была на редкость весёлой и непринужденной.

Чего нельзя было сказать о противоположной стороне.

Оставим остальных — тот самый «дедушка» буквально побагровел от ярости. Он привык, что его боятся, а сегодня его на глазах у всех проигнорировали, да ещё и выставили на посмешище. Если он сейчас ничего не предпримет, то потеряет всякий авторитет.

— Тьфу! Щенки, не знающие своего места! Сегодня я вас проучу!

<http://bllate.org/book/17441/1662995>